

Александр Долинин

Стихотворение Иосифа Бродского «Дорогая, я вышел сегодня из дома поздно вечером...»:

НЕБИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Alexander Dolinin

Joseph Brodsky's Poem "Dorogaya, ya vyshel segodnya iz domu..." ("Brise Marine"):
A Non-Biographical Approach

Александр Долинин (кандидат филологических наук; почетный профессор Университета Висконсин-Мэдисон) dolinin@wisc.edu

Ключевые слова: автоперевод, анаграмма, римские лирики, сонеты Ренессанса, классическая традиция

УДК: 82(091)

DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_260

В статье предлагается новое прочтение стихотворения Иосифа Бродского «Дорогая, я вышел сегодня из дома поздно вечером...», основанное не на биографических фактах и легендах, а на сравнении оригинала с авторским переводом на английский язык. Выявленные разнотечения — добавленное в переводе заглавие «Brise marine», заимствованное у Малларме, и введение немотивированного определения «middle» к существительному «имя» (name) — указывают на скрытый план текста, который вступает в противоречие с декларированным в его первой половине отречением от М.Б. — былой возлюбленной и музы поэта. По мысли автора, Бродский опирается на две взаимосвязанные традиции классической и ренессансной поэзии: оскорбление неверной возлюбленной у римских лириков Катулла и Проперция и обещание бессмертия, даруемого ей в стихах, у Шекспира и других поэтов Возрождения.

Alexander Dolinin (Ph.D; Emeritus professor of the University of Wisconsin-Madison) dolinin@wisc.edu

Key words: self-translation, anagram, Roman lyrics, Renaissance sonnets, classical tradition

УДК: 82(091)

DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_260

The article offers a new interpretation of Joseph Brodsky's poem "Dorogaya, ya vyshel segodnya iz domu pozdno vecherom..." that based not on biographical facts and legends, but on a comparison of the Russian text with its English self-translation. The most serious discrepancies between the two — the addition of the French title "Brise marine" borrowed from Mallarme and of the baffling "middle name" as a rendering of "name" in the English version — indicate the existence of a hidden scheme built into the poem that contradicts the overt message of its first half: a denunciation of M.B., Brodsky's former lover and muse. According to the author, Brodsky invoked two related traditions of classical and Renaissance poetry: bashing an unfaithful lover in the poems of Catullus and Propertius, and promising "immortality through verse" in the sonnets of Shakespeare and other Renaissance poets.

Поэзия... это антибиографический процесс.

И. Бродский

M.B.

Дорогая, я вышел сегодня из дома поздно вечером
подышать свежим воздухом, веющим с океана.
Закат догорал на галерке китайским веером,
и туча клубилась, как крышка концертного фортепиано.

Четверть века назад ты питала пристрастье к людям и к финикам,
рисовала тушью в блокноте, немножко пела,
развлекалась со мной; но потом сошлась с инженером-химиком
и, судя по письмам, чудовищно поглупела.

Теперь тебя видят в церквях в провинции и в метрополии
на панихидах по общим друзьям, идущих теперь сплошною
чередой; и я рад, что на свете есть расстоянья более
немыслимые, чем между тобой и мною.

Не пойми меня дурно. С твоим голосом, телом, именем
ничего уже больше не связано; никто их не уничтожил,
но забыть одну жизнь человеку нужна, как минимум,
еще одна жизнь. И я эту долю прожил.

Повезло и тебе: где еще, кроме разве что фотографии,
ты пребудешь всегда без морщин, молода, весела, глумлива?
Ибо время, столкнувшись с памятью, узнаёт о своем бесправии.
Я курю в темноте и вдыхаю гнилье отлива.

1989¹

Стихотворение Иосифа Бродского «Дорогая, я вышел сегодня из дома поздно вечером...» (далее ДЯВ) обычно рассматривается в биографическом плане как мизогинный человеческий документ, оскорбительный для адресатки и не делающий чести поэту, и потому крайне редко становилось предметом литературоведческого анализа. Даже Лев Лосев в биографии Бродского отдался одной общей фразой о нем и стихотворении «Подруга, дурнея лицом, поселись в деревне...» (1992), которое, по всей видимости, обращено к той же М.Б., хотя и без посвящения ей. Они, пишет Лосев, «читаются как два иронических постскриптума к былой драме» [Лосев 2008: 73]. Единственное достойное упоминания исключение – это статья С. Кузнецова на английском языке (речь о ней пойдет ниже), где ДЯВ сопоставляется с книгой «Новые стансы к Августе» (1983), имеющей подзаголовок «Стихи к М.Б., 1962–1982».

Не привлек большого внимания и авторский рифмованный перевод ДЯВ на английский язык, хотя в нескольких местах он отходит от оригинала и от подстрочника, сохранившегося в архиве Бродского [Rulyova 2020: 112–113], и потому может рассматриваться как своего рода автокомментарий к тексту. Приведу его полностью:

Brise Marine

Dear, I ventured out of the house late this evening, merely
for a breath of fresh air from the ocean not far away.
The sun was smoldering low like a Chinese fan in a gallery
and a cloud reared up its huge lid like a Steinway.

1 Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. Л.В. Лосева. Т. 2. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2011. С. 130. В дальнейшем все ссылки на поэтические тексты Бродского и комментарии Льва Лосева к ним даются по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках после цитаты.

A quarter century back you craved curry and dates from Senegal,
tried your voice for the stage, scratched profiles in a sketch pad,
dallied with me—but later alloyed with a chemical
engineer and, judging by letters, grew fairly stupid.

These days you've been seen in churches in the capital and in provinces,
at rites for our friends or acquaintances, now continuous;
yet I am glad, after all, that the world still promises
distances more inconceivable than the one between us.

Understand me correctly, though: your body, your warble, your middle
name
now practically stir nothing. Not that they've ceased to burgeon;
but to forget one life, a man needs at minimum
one more life. And I've done that portion.

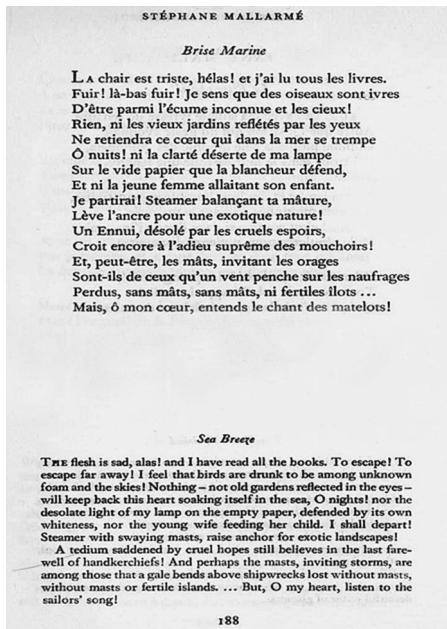
You got lucky as well: where else, save in a snapshot perhaps,
will you forever remain free of wrinkles, lithe, caustic, vivid?
Having bumped into memory, time learns its impotence.
Ebb tide; I smoke in the darkness and inhale rank seaweed.

1989²

В переводе на английский язык Бродский убрал посвящение «М.Б.» — то есть Марине Басмановой, но взамен дал стихотворению французское название «Brise Marine» («Морской бриз»), в котором заглавные буквы повторяют инициалы посвящения (в обратном порядке), а прилагательное отсылает к «морскому» имени адресатки. Это название заимствовано у Малларме, чей «Морской бриз» Бродский, скорее всего, читал в третьем томе пингвинской антологии французской поэзии с параллельными прозаическими переводами (ил.).³ Лоссев в комментарии к ДЯВ утверждает, что это всего лишь «невинный каламбур, уточняющий адресата» (II, 434), но, как мне кажется, в двух одноименных стихотворениях усматривается и некоторый тематический параллелизм. Главная тема «Морского бриза» Малларме — это мечта об уходе, об отречении от всего привычного и исчерпавшего себя, — от прочитанных книг, от письменного стола с «уединенной лампой», освещавшей нетронутые листы бумаги, от «старых садов», даже от жены и младенца. Обыденному, привычному

2 Brodsky J. Collected Poems in English / Ed. by A. Kjellberg. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2000. P. 364.

3 The Penguin Book of French Verse: In 4 vols. Vol. 3. The Nineteenth Century / Introd. and ed. by A. Hartley with plain prose translations of each poem. Baltimore, Md.: Penguin Books, 1963. P. 188. По всей вероятности, именно этот четырехтомник, выдержавший несколько изданий (1957—1975), Бродский имел в виду, когда сообщил П. Вайлю, что в середине 1970-х годов «принялся читать антологию французской поэзии» (Бродский И. Пересеченная местность. Путешествия с комментариями: Стихи / Сост. и предисл. П. Вайля. М.: Независимая газета, 1995. С. 160). Он мог знать также перевод известной ленинградской переводчицы Э.Л. Линецкой «Морской ветер» (Линецкая Э. Из французской лирики. Л.: Художественная литература, 1974. С. 93) и первые восемь строк стихотворения в переводе молодого Мандельштама (Мандельштам О. Собрание сочинений: В 3 т. / Под ред. Г. Струве, Н. Струве и Б. Филиппова. Т. IV, доп. Париж: YMCA-Press, 1981. С. 37). О последнем см.: [Рагозина б.г.]. Однако в обоих изданиях название французского оригинала не указывалось.

Ил. Стефан Малларме.
Морской бриз

При внимательном рассмотрении автоперевода — как почти всегда у Бродского, довольно точного в формальном отношении, но несколько натужного — обращает на себя внимание странное начало четвертой строфы:

Understand me correctly, though: your body, your warble, your middle name now stir
practically nothing...

[Букв: Но пойми меня правильно: твое тело, твое щебетанье, твое среднее (второе) имя / теперь практически никаких чувств во мне не возбуждают...]⁴

Если превращение голоса М.Б., о котором Бродский писал в «Элегии» (1982) «До сих пор, вспоминая твой голос, я прихожу / в возбужденье...» (I, 409), в птичий щебет (warble) еще можно с грехом пополам объяснить через птичьи мотивы в «Повернись ко мне в профиль...» («Да и голос тот за ночь мог расклевать печаль, / накрошившую голой рукой за порогом хлеба», I, 402) и некоторых других стихотворениях из «Новых стансов к Августе»⁵, то добавление определения *middle* к имени (особенно в русском контексте, где оно ассоциируется только с отчеством) кажется ничем не мотивированной нелепостью. Осмелюсь предположить, что эти вопиющие отклонения от оригинала (напоминающие аграмматизм в риффатеровском смысле) понадобились

4 Ср. в подстрочнике: «Don't get me wrong. With your voice, body, name nothing / is connected any longer» (цит. по: [Rulyova 2022: 112]).

5 См. особенно «Ты выпорхнешь, малиновка, из трех / малинников...» (I, 155) и «Письмо в бутылке» где появляется слово «щебет» («Снился мне холод и снился жар; / снился квадрат мне и снился шар, щебет синицы и шелест трав. / И снилось мне часто, что я неправ»), а брови любимой женщины сравниваются с «крыльями прелестных птиц» (I, 200, 202).

поэту, чтобы в тексте появилась анаграмма имени «Марина» и инициал ее фамилии:

wARBlе, MIddle NAmе

Вообще говоря, считается, что такие игры с именем возлюбленной в духе Петрарки, который, как известно, много раз анаграммировал имя Лауры и обыгрывал его созвучие с *lauro* (лавр) и *laura* (бриз), Бродскому не свойственны. В статье Т.В. Ряпиной «Поэтика неназывания в сборнике И. Бродского “Часть речи”» утверждалось даже, что намеренное неназывание имени Марины в обращенных к ней стихах есть способ его сакрализации [Ряпина 2010]⁶. Однако ничем, кроме звучания, не мотивированное введение в перевод слова *middle*, которое не имеет никакой опоры ни в подлиннике, ни в контексте, воспринимается как обращенный к двуязычному читателю сигнал, побуждающий к поиску слов со сходным звучанием и в оригинале. И они обнаруживаются, но только не в предпоследней, а в последней строфе, в стихе:

Ты пребудешь всегда **без морщин, молода**, весела, глумлива...

Мы видим ту же последовательность согласных, что и в имени Марина, а также все необходимые для полной анаграммы гласные (безударное о = а). При желании мы можем даже составить из отдельных букв фамилию Басманова, но это, скорее всего, совпадение. Любопытно, что похожую анаграмму мы встречаем и в обращенном к безымянной «подруге» стихотворении 1992 года:

Подруга, дурнея лицом, поселись в деревне.
Зеркальце там не слыхало ни о какой царевне.
Речка тоже рябит, а земля в **морщинах**
и думать забыла, поди, о своих мужчинах.

(II, 166)

Если бы не появление маркированной анаграммы в английском автопереводе ДЯВ, мы могли бы решить, что имеем дело со случайным совпадением или с бессознательной инвокацией в духе Фета, у которого, как показали исследования Т. Венцловы и В.Н. Топорова, нередко встречаются неосознанные анаграмматические отголоски имени и фамилии его несчастной возлюбленной Марии Лазич [Венцлова 2012: 535; Топоров 1987: 215–227; Venclova 1985: 103–104; 1986: 100]⁷. Но в данном случае Бродский, несомненно, осознавал, что

-
- 6 Замечу, что в цикле «Двадцать сонетов к Марии Стюарт», вошедшем и в «Часть речи», и в «Новые стансы к Августе», Бродский, называя шотландскую королеву французским именем Мари, вероятно, осознавал и обыгрывал его неполное созвучие с именем красавицы, которую он «любил сильней», чем Мария — Босуэла и которая имела с последней «общие черты». В сонетах III–IV недостающий до полного тождества слог несколько раз появляется в непосредственной близости к «Марии» («...и обратиться Не к кому с «иди НА». / И ты, МАРИ, НЕ покладая рук...»; «...чье лезвие, МАРИ, острей НОжа»), а в сонете V, начинающемся с обращения «Число твоих любовников, Мари...», завершает пять рифмующихся стихов: урона — корона — барона — трона — ворона (I, 349).
- 7 Предположение Венцловы, что в стихотворении «Моего тог безумства желал...» Фет на бессознательном уровне зашифровал неназванное имя возлюбленной, Бродский мог знать как из общения с Венцловой, так и из указанных выше публикаций его работы.

в его отречении от некогда любимой женщины, с чьим именем, по его словам, «ничего уже больше не связано», это имя присутствует и что оно вплетено в словесную ткань нового текста, опровергая саму «декларацию отречения» или, во всяком случае, ей противореча.

Недоумение и осуждение у многих читателей (прежде всего читательниц) вызвала вторая — глумливая и жестокая — строфа стихотворения, где образ М.Б., которую сам Бродский называл «смуглой леди моих сонетов» («a dark lady of my sonnets»)⁸, существенно снижен, а сама история их любви и разрыва — предмет глубокой и мучительной поэтической рефлексии в книге «Новые стансы к Августе» — низведена до уровня бытовой сплетни. «Зачем бы независимому, “вольному сыну эфира” плевать через океан в лицо женщине, которую “он любил больше ангелов и самого”», — негодовала, например, Людмила Штерн⁹.

Я, конечно же, понимаю, что люди, причастные к этой истории, могли обидеться на автора, но невовлеченный в нее исследователь должен попытаться понять поэтическую логику, которой руководствовался Бродский. «Так надо», — сказал он Н. Горбаневской, которая пыталась отговорить его от публикации стихотворения в «Континенте» (II, 434), и я думаю, что имелись в виду не столько личные, сколько поэтические резоны. В одной из статей о поздней лирике Бродского говорилось, что в ДЯВ он деформирует «классические представления о благородстве в отношении к не ответившей взаимностью женщине. Бродский выбирает поведение именно неблагородное, мстительно-жестокое <...> Поражает здесь прежде всего тон — устало-равнодушный, а уже потом — оскорбительные аттестации увядающей женщины» [Крылова 2006: 60–61]. Я же думаю, что жанровой моделью для Бродского здесь послужила именно классическая поэзия — прежде всего циклы любовной лирики, обращенной к ветреной подруге, у Катулла (Лесбия) и Проперция (Кинфия/Цинция), римских поэтов золотого века, которых Бродский хорошо знал, любил и о которых писал в эссе «Письмо к Горацию». Каждый из этих циклов включает в себя поношения вероломной красавицы, — то, что на современном сетевом недоязыке называется *slut-shaming*.

Катулл (которого М.Л. Гаспаров назвал «изобретателем чувства» [Гаспаров 1997]), собираясь уехать в далекие страны от изменившей ему Лесбии, просит друзей передать ей

На прощанье слов от меня немного
Злых и последних.
Со своими пусть кобелями дружит!
По три сотни их обнимает сразу,
Никого душой не любя, но печень
Каждому руша.

-
- 8 В интервью с Дэвидом Бетеа 28–29 марта 1991 года: Бродский И. Большая книга интервью / Сост. В. Полухиной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Захаров, 2000. С. 523, 524.
- 9 Штерн Л. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. СПб.: Изд. дом «Петро», 2005. С. 114. Цитируется стихотворение Бродского «Ниоткуда с любовью, надцатого мартобря...», открывавшее цикл «Часть речи»: «я любил тебя больше, чем ангелов и самого, / и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих» (I, 363).

Только о моей пусть любви забудет!
По ее вине иссущилось сердце,
Как степной цветок, проходящим плугом
Тронутый насмерть.

(№ 11)¹⁰

В другом стихотворении (№ 53) Катулл жалуется другу:

Целий, Лесбия наша, Лесбия эта,
Эта Лесбия, что была Катуллу
И себя самого и всех милее,
В переулках теперь, на перекрестках
Величавого Рема внука ловит¹¹.

Проперций тоже стыдит свою подругу — по Бродскому, рыжеволосую, худощавую, часто болеющую («skinny and sickly redhead»)¹² — за распутство и лживость:

Правда ли Кинфия, ты по всему прославилась Риму
И не скрываешь ничуть жизни распутной своей?
Мог ли я этого ждать? Вероломная, ты мне заплатишь:
<...>
Знай, отыщу я тебе среди многих обманщиц такую,
Что пожелает в моих песнях прославленной быть.
<...>
Лучше уж я напишу, чего во всю жизнь не сотрешь ты:
«Кинфия — верх красоты, Кинфия — ложь и обман».
Верь мне, хоть ты свысока и смотришь на всякие сплетни,
Ты побледнеешь, прочтя, Кинфия, этакий стих.

(II, V)¹³

В финальной элегии книги III Проперций прощается с обманщицей, предрекая ей скорую старость и утрату женских прелестей:

10 Катулл. Тибулл. Проперций. <Стихотворения.> / Пер. с лат.; предисл. и ред. пер. Ф. Петровского; коммент. Е. Берковой. М.: Гослитиздат, 1963. С. 31—32 (пер. Адр. Пиотровского). Я цитирую римских поэтов по этому изданию, доступному Бродскому, поскольку в эссе «Letter to Horace» он признался, что читал их только в русских стихотворных переводах (Brodsky J. On Grief and Reasons. Essays. N.Y.: Penguin Books, 1995. P. 434). Переводчик смягчил грубые оскорблении оригинала: у рассерженного Катулла похотливая Лесбия не «рушит печень» трем сотням любовников, а снова и снова терзает им внутренние мужские органы («Identidem omnium ilia rumpens», XI, 19—20).

11 Катулл. Тибулл. Проперций. <Стихотворения.> С. 82 (пер. Ф. Петровского). Здесь переводчик тоже смягчает грубость. В оригинале Лесбия никого не ловит, а «дрочит внукам благородного Рема» («glubit magnanimi Remi nepotes», LVIII, 5). Неудачен и перевод второго и третьего стиха, в которых не передан глагол *amavit* (любил). Катулл говорит, что любил Лесбию больше, чем себя самого и всех своих родных: «Illa Lesbia, quam Catullus unam / plus quam se atque suos amavit omnes».

12 Brodsky J. On Grief and Reason. P. 432.

13 Катулл. Тибулл. Проперций. <Стихотворения.> С. 297—298 (пер. Л. Остроумова).

Общий я смех возбуждал за столом многолюдного пира:
Всякий, кто только хотел, мог надо мною трунить.
Сил у меня набралось пять лет прослужить тебе верно:
Ногти кусая, не раз верность помянешь мою.
<...>
Но да придаст тебя незаметными годами старость,
И на твою красоту мрачно морщины падут!
С корнем тогда вырывать ты волосы станешь седые —
Но о морщинах тебе зеркало будет кричать!
Будешь отверженной ты такое же видеть презренье
И о поступках былых, злая старуха, жалеть.
Эта страница тебе возвестила беду роковую:
Так научись трепетать перед концом красоты.

(III, XXV)¹⁴

При этом в обоих циклах ругательные стихи вовсе не ставят последнюю точку в любовных драмах; они лишь добавляют злобу и обиду к описываемой поэтами гамме чувств, но не отменяют всех остальных, перемежаясь с признаниями собственной вины, воспоминаниями о счастливом прошлом, изъявлениями благодарности, желанием простить и быть прощенным. Как формулировал Катулл в знаменитом двустишии о двойственности своей страсти: «И ненавижу ее и люблю. «Почему же?» — ты спросишь. / Сам я не знаю, но так чувствую я — и томлюсь» (LXXXV)¹⁵.

В большинстве «Стихов к М.Б.» Бродский старался не предаваться «поминанию зла», а превозносил ее, говорил о своей любви к ней, о том, чем она была для него («Я был только тем, чего...», I, 145), о «боли разлуки», винил в разрыве самого себя («Ты как могла простила / все, что я натворил...», I, 113). Тем не менее иногда обида и гнев прорывались через лирическую идеализацию. Так, он сетовал на «непостоянство» подруги и равнодущие к его судьбе («Зимняя почта», I, 389—301); обвинял ее во лжи («Элегия», 1968: «Зачем лгала ты? И зачем мой слух / уже не отличает лжи от правды...», I, 163) и, надев маску римского поэта, возмущался тем, что его Цинтия не хочет его видеть и не пускает к новорожденному сыну, окружив себя «чужими господами», которые

У Цинтии в гостях над колыбелью
склоняются, как новые волхвы.
Младенец дремлет. Теплится звезда,
как уголь над остывшим купелью.
И гости, не коснувшись головы,
нимб заменяют ореолом лжи,
а непорочное зачатье — сплетней,
фигурой умолчанья об отце.

(«Anno domini», I, 161)

14 Там же. С. 414 (пер. Л. Остроумова). Н.Г. Медведева не без оснований считает концовку элегии претекстом стихотворения «Подруга, дурнея лицом, поселись в деревне...» [Медведева 2010: 93—94].

15 Там же. С. 138 (пер. Ф. Петровского).

Уже здесь Бродский отождествляет себя с Проперцием, которого он особенно высоко ценил за «интенсивность чувств» (emotional intensity¹⁶), а М.Б. — с коварной Цинтией, отвергнувшей своего любовника. Так что ДЯВ не опровергает предшествующие «стихи к М.Б.», а лишь, подражая древним, усиливает, развивает и конкретизирует ругательные мотивы, которые уже были намечены ранее.

Элегии Проперция, как представляется, важны и для понимания обращенного к М.Б. риторического вопроса в последней строфе ДЯВ: «Повезло и тебе: где еще, кроме разве что фотографии, / ты пребудешь всегда без морщин, молода, весела, глумлива?» Дело в том, что именно у Проперция в зародыше появляется метамотив своих стихов как драгоценного дара поэта возлюбленной — дара, который приносит ей славу в настоящем и обещает посмертную память, так сказать, подобие бессмертия в будущем. В уже процитированной элегии V второй книги он угрожает Кинфии / Цинтии найти другую женщину, которая «пожелает в моих песнях прославленной быть»¹⁷, а в книге последней уже сама Кинфия или, вернее, ее призрак, явившийся ему после ее похорон, сначала бранит его за все обиды, а потом прощает:

Но я тебя не виню, хоть того ты и стоишь, Проперций:
Долго ведь в книгах твоих власть процветала моя.

(IV, VII)¹⁸

Желая, чтобы память о Кинфии сохранилась в веках, Проперций отказывается выполнить ее посмертную просьбу — сжечь посвященные ей стихи.

Тема «бессмертия, дарованного через стихи» (immortality-through-verse), неразработанная у Проперция, выходит на первый план в сонетах Ренессанса. Она встречается, например, у Петрарки и Ронсара, а особенно широкое распространение получает в английской поэзии XVI — начала XVII века¹⁹. Напомню лишь концовки двух знаменитых сонетов Шекспира, № 18 («Shall I compare thee to a summer's day...») и 19 («Devouring Time, blunt thou the lion's paws...»). Первый из них адресован, правда, не «смуглой леди сонетов», а другу автора:

But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou ow'st,
Nor shall Death brag thou wand'rest in his shade
When in eternal lines to time thou grow'st.
So long as men can breathe or eyes can see,
So long lives this, an this gives life to thee²⁰.

16 Brodsky J. Letter to Horace. P. 434.

17 Катулл. Тибулл. Проперций. <Стихотворения.> С. 297. Я позволил себе исправить опечатку или ошибку в русском переводе, где вместо правильного «прославленной» стоит «прославленных», что меняет смысл фразы. Ср. в оригинале: «inueniam ramen e multis fallacibus unam, / quae fieri **nostro carmine nota velit».**

18 Там же. С. 439.

19 Большое количество примеров собрано в полезном справочном издании: Gerber W. Love, Poetry, and Immortality: Luminous Insights of the World's Great Thinkers. Leiden; Boston: Brill, 1998. P. 85—90.

20 Shakespeare W. The Sonnets / Ed. by G. Blakemore Evans with an introd. by A. Hecht. Cambridge University Press, 1996. P. 41. Букв. пер.: «Но твое вечное лето не померкнет /

Адресат 19-го сонета — это «devouring Time... swift-footing Time», то есть «прожорливое Время... быстроногое Время», которое уничтожает все живое, и поэт просит его не уродовать прекрасное чело друга и не вырезать на нем морщины. В последних двух строках, однако, он утверждает, что над его стихами Время не властно:

Yet do thy worst, old Time: despite thy wrong,
My love shall in my verse ever live young²¹.

Собственно говоря, в последней строфе стихотворения Бродский обещает М.Б. то же самое, что Шекспир обещает своему возлюбленному, — навсегда оставаться в его стихах «без морщин», молодой и веселой, как цыганка-обманщица в «Цыганах» Я. Полонского²². «Ты пребудешь всегда» — неожиданно переходит он на высокий поэтический слог, вторя Шекспиру и используя глагол, появляющийся в двух переводах его сонетов у С.Я. Маршака:

Но время не сметет моей строки
Где ты пребудешь смерти вопреки.

(сонет 60)

Над смертью властвуй в жизни быстротечной,
И смерть умрет, а ты пребудешь вечно.

(сонет 146)²³

Шекспировскую тему развивает и третий стих последней строфы — сентенция «Ибо время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии», поскольку победу над временем, о которой заявляет Бродский, способна одержать только память, запечатленная в поэтическом слове.

Как же в таком случае следует понимать заключительную строку стихотворения, которая отличается от предшествующего текста тем, что имеет сказуемые в настоящем времени и не обращена к М.Б.: «Я кую в темноте и вдыхаю гнилье отлива»? Из нее следует, что закат с его театральными эффектами ус-

И не лишит тебя твоей красоты, / И смерть не сможет похвастаться, что утащила тебя к себе во тьму, / Коль скоро в [моих] вечных строках ты будешь врастать в ход времени. / Пока человек дышит, а глаза его видят / Мои стихи будут жить и давать жизнь тебе».

21 Ibid. Р. 42. Букв. пер.: «Что ж, бесчинствуй, старик Время; несмотря на твои злодейства, / Мой любимый останется в моих стихах вечно молодым».

22 Ср.: «Ворожейка бойка — / Воровская рука, / Да зато модала, черноокая! / Молода, весела...» (Полонский Я.П. Стихотворения и поэмы / Ред. и примеч. Б.М. Эйхенбаума. М.; Л.: Советский писатель, 1935. С. 193).

23 Шекспир У. Сонеты / Изд. подгот. А.Н. Горбунов, В.С. Макаров, Е.В. Первушкина, В.С. Флорова, Е.В. Халтруп-Халтурина. М.: Наука, 2016. С. 194, 237. Еще одна любопытная параллель — шутливое послание И.И. Дмитриева «К *** о выгодах быть любовницею стихотворца» (1791), где поэт обещает своей Прелесте «лестную судьбу» — сказать о ней после ее смерти все, что «сказать Овидии могли, / И ты бессмертною пребудешь на земли. / Любовник твой тебя во храме Мнемозины / Между Глициерии посадит и Коринны» (Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Г.П. Макогоненко. Л.: Советский писатель, 1967. С. 267).

пел договореть, на океане начался отлив, обнаживший принесенные приливом водоросли и всякую гадость, которые издают гнилостный запах (в переводе уточняется: «rank seaweed»). Все эти образы легко истолковываются как символы угасшей любви, «отлива» чувств, старения и умирания. Согласно Сергею Кузнецовой, у постаревшего Бродского «прошлое перестало вызывать страдания, грусть или тоску. «Дорогая, я вышел» — это “прощание” человека, который почти забыл женщину, к которой обращены его прощальные слова» [Kuznetsov 1999: 218]. Более того, Кузнецова видит в стихотворении решительный отказ от роли одинокого романтического поэта, тоскующего по своей возлюбленной. Мне кажется, что это не совсем верно. Анаграммированное в тексте имя Марина, отсылки к классической теме бессмертия для возлюбленной через посвященные ей стихи, аллюзия на «Brise Marine» Малларме, введенная в английский автоперевод, — все это свидетельствует о том, что Бродский резко разделял пошлую прозу жизни, где люди стареют и глупеют, и высокую правду поэзии; биографическую М.Б., которая, как и он сам, подвержена разрушительной силе времени, и М.Б., которая всегда пребудет в его стихах. В этом смысле М.Б. действительно повезло — памяти о ней, сохраненной в поэтическом слове, подобно памяти о Лесбии, Кинфии или «смуглой леди сонетов», суждено если не бессмертие, то долгое послесмертие. «Я, как мог, обессмертил / то, что не удержал» — сказал об этом сам Бродский в «Строфах» 1978 года («Наподобье стакана...», I, 406).

Библиография / References

- [Венцлова 2012] — Венцлова Т. Собеседники на пиру. Литературоведческие работы. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- (Ventslova T. Sobeseniki na piru. Literaturovedcheskie raboty. Moscow, 2012.)
- [Гаспаров 1997] — Гаспаров М.Л. Катулл, или изобретатель чувства // Гаспаров М.Л. Избранные труды: В 3 т. Т. 1: О поэтах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 82—110.
- (Gasparov M.L. Katull, ili izobretatel' chuvstva // Gasparov M.L. Izbrannye trudy: In 3 vols. Vol. 1: O poetakh. Moscow, 1997. P. 82—110.)
- [Крылова 2006] — Крылова С. Образ «разжалованной» Музы в поздней лирике И. Бродского // «Чернеть на белом, по куда белое есть...». Антиномии Иосифа Бродского / Науч. ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск: PaRt.com, 2006. С. 53—68.
- (Krylova S. Obraz "razzhalovannoy" Muzy v pozdney lirike I. Brodskogo // "Chernet' na belom, pokuda beloe yest...". Antinomii Iosifa Brodskogo / Ed. by T.L. Rybal'chenko. Tomsk, 2006. P. 53—68.)
- [Лосев 2008] — Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008.
- (Losev L. Iosif Brodskiy. Opyt literaturnoy biografii. Moscow, 2008.)
- [Медведева 2010] — Медведева Н.Г. К семантике «последнего стихотворения» в поэзии Бродского. II. «Не пойми меня дурно...» (стихи к М.Б.) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2010. Вып. 4. С. 84—95.
- (Medvedeva N.G. K semantike "poslednego stikhotvorenija" v poezii Brodskogo. II. "Ne poymi menya durno..." (stikhi k M.B.) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorija i filologiya. 2010. No. 4. P. 93—94.)
- [Рагозина б.г.] — Рагозина К. Перевод незаконченный и неудачный... // <https://spintongues.vladivostok.com/ragozina.htm> (дата обращения: 07.02.2025).
- (Ragozina K. Perevod nezakonchenny i neudachnyy... // <https://spintongues.vladivostok.com/ragozina.htm> (accessed: 07.02.2025).)
- [Ряпина 2010] — Ряпина Т.В. Поэтика неназывания в сборнике И. Бродского «Часть

- речи» // Семантика имени (Имя-2) / Отв. ред. Т.М. Николаева. М.: ЯСК, 2010. С. 259—264.
- (*Ryapina T.V. Poetika nenazyvaniya v sbornike I. Brodskogo "Chast' rechi" // Semantika imeni (Imya-2) / Ed. by T.M. Nikolayeva. Moscow, 2010. P. 259—264.*)
- [Топоров 1987] — *Toporov B.N. K issledovaniyu anagrammaticheskikh struktur (analizy) II. «Skrytoe» imya v russkoy poezii // Issledovaniya po strukture teksta /* Отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1987. С. 193—238.
- (*Toporov V.N. K issledovaniyu anagrammaticheskikh struktur (analizy)... II. "Skrytoe" imya v russkoy poezii // Issledovaniya po strukture teksta /* Ed. by T.V. Tsiv'yan. Moscow, 1987. P. 193—238.)
- [Kuznetsov 1999] — *Kuznetsov S. "Darling, Tonight I Went Out Late..." // Joseph Brodsky: The Art of a Poem / Ed. by L. Loseff and V. Polukhina. New York: Palgrave, 1999. P. 207—224.*
- [Rulyova 2020] — *Rulyova N. Joseph Brodsky and Collaborative Self-Translation. London: Bloomsbury Academic, 2020.*
- [Venclova 1985] — *Venclova T. A.A. Fet. «Moero tot bezumstva желал...» // Russian Literature. 1985. Vol. XVII. P. 87—110.*
- [Venclova 1986] — *Venclova T. Неустойчивое равновесие: восемь русских поэтических текстов. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1986.*